1. ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕАМБУЛА[1]

Однажды меня попросили дать интерпретацию слов, идущих по краю металлического медальона с изображением разнообразных строительных инструментов. Сам памятник, по сведениям обнаруживших его детей моего знакомого, находится на портальных дверях здания XVII века в Копенгагене.

Интересующая нас надпись гласит: wer Gott vertraut hat wolgebaut anno 1623. Единственный вопрос при ее трактовке представлял собой отсутствующий в современном немецком языке средневерхненемецкий глагол wolbauen (именно так: слитно и без **h**, обозначающей после **o** его долготу), от которого и образована фигурирующая в тексте форма Partizip II — wolgebaut.

Впрочем, это затруднение быстро нашло свое разрешение: wolbauen значит в русском переводе то же, что и состоящее из двух элементов привычное словосочетание wohl bauen, а именно «хорошо (надежно/добротно/отлично/основательно) строить». Тем самым артефакт может означать: «кто полагается на Бога, (тот) надежно/добротно построил (выстроил/отстроил), 1623 год».

Кроме того, поскольку орфография была в то время неустоявшейся, то наречие wo(h)l могло как присоединяться к основе глагола, так и нет, то есть тут возможна как единая глагольная форма, так и конструкция из двух лексем. Что, впрочем, сути дела не меняет.

Наконец, так как написание существительных с заглавной буквы было окончательно закреплено в немецком языке только в начале XX века, wo(h)l допустимо считать и именем в значении Wohl «благо». Вся же фраза в этом случае звучала бы как «кто полагается на Бога, (тот) построил благо, 1623 год», что делает ее смысл лишь еще более выпуклым, а потому данное ее понимание представляется предпочтительным.

---

[1] Публикации: *Шелов-Коведяев Ф. В.* Кружево перевода // http://www.bogoslov.ru/text/4890191.html; *Он же.* Превратности перевода: К вопросу об интерпретации *Притч. 29:25* // Iudaica Petropolitana. 2016. № 5. С. 25–31.

На этом, в принципе, можно было бы и остановиться, но меня заинтересовала явная идиоматичность данной формулировки. И действительно, обнаружилось, что перед нами — включенная в различные (в том числе сравнительные: см., например: «на Бога положишься, не обложишься»[10*]) своды пословиц так называемая строительная поговорка, известная мне как минимум в еще одной эпиграфической фиксации, на сей раз на жилом доме, где она дана в более развернутом виде: wer Gott vertraut hat wolgebaut, bis hier hat mich der Herre geholfen, или «кто полагается на Бога, (тот) построил благо, — доселе Господь мне помогал (букв.: помог)».

* * *

Однако и это, как оказалось, еще не все. Стилистика афоризма навела меня на мысль о том, что она может иметь происхождение либо во всяком случае параллели в вероучительных/священных и (или) литургических контекстах. В самом деле, довольно скоро выяснилось, что существует сочинение лютеранского теолога, автора богослужебных стихов и композитора Йоахима из Магдебурга[1] (Joachim von Magdeburg, 1525–1587), положенное на музыку в Лейпциге между 1591 и 1597 годами двоюродным дедом великого Иоганна Себастьяна Баха-мл. (1685–1750) Иоганном Кристофом Бахом (Johann Christoph Bach, 1642–1703). Позже был написан также более известный, исполняемый до сих пор хорал, первый куплет которого звучит как wer Gott vertraut, / hat wohl gebaut (NB! Нововерхненемецкая графика. — *Ф. Ш.-К.*) / im Himmel und auf Erden; / wer sich verläßt/ auf Jesum Christ/ dem muß der Himmel warden: «кто полагается на Бога, / построил благо (i. e. себе благое пристанище. — *Ф. Ш.-К.*) / на небеси и на земли; / кто полагается на Иисуса Христа, / тому будут небеса (то есть того будет Царствие Небесное — парафраз Нагорной проповеди. — *Ф. Ш.-К.*)».

В свою очередь, немецкое литургическое песнопение вывело меня, с одной стороны, на материалы Ветхого Завета, а с другой — на старую латинскую сентенцию qui domino fidit, bene vidit et aedificavit. Последняя была переосмыслена в христианстве, и в результате получилось qui Domino etc., или «кто уверовал во Господа, тот верно узрел (= прозрел. — *Ф. Ш.-К.*) и создал/сотворил (= поступил. — *Ф. Ш.-К.*)».

---

[1] Любопытно, что дом со второй надписью находится в городке, расположенном близ того самого Магдебурга.

Теперь о ветхозаветном источнике анализируемой поговорки. Тут сразу обращает на себя внимание часть 2-я стиха 25-го главы 29-й Книги Притчей Соломоновых. В канонической версии Танаха[1] указанная строчка целиком (Ктувим, Мишлей 29:25) выглядит следующим образом: חֶרְדַּת אָדָם יִתֵּן מוֹקֵשׁ וּבוֹטֵחַ בַּיהוָה יְשֻׂגָּב: xerdat ādām yittēn mwōqēš wūḇwōtē[a]x bayhōwāh yəśuggāḇ (хердат адам йитен мокеш увотеах[2] ба-адонай йесугав: «страх человека[3] ведет в (букв.: дает. — *Ф. Ш.-К.*) западню, а уповающий на Г-спода укреплен будет»[4]).

* * *

И вот тут начинается самое интересное с филологической точки зрения. Обратившись к старейшему индоевропейскому переводу Торы — древнегреческой Септуагинте, выполненной семьюдесятью толковниками в Александрии во II веке до Р. Х. для своих единоверцев-иудеев, не владевших уже в достаточной степени языком предков, сразу получаем яркое подтверждение известной со времени прочтения рукописей Мертвого моря истины[11*]: в эллинистический период, как и в первые века от Р. Х., еще не было единого еврейского канона Библии. Ведь текст Септуагинты в данном месте гласит: (29:25) φοβηθέντες καὶ αἰσχυνθέντες ἀνθρώπους ὑπεσκελίσθησαν[5] ὁ δὲ πεποιθὼς ἐπὶ Κύριον εὐφρανθήσεται[6, 7]: «убоявшиеся и устыдившиеся людей запутались, вверивший же себя Господу возвеселится». За исключением форм «убоявшиеся» и «вверивший себя» (= положившийся на. — *Ф. Ш.-К.*), фактически нет ничего общего с каноническим (так называемым раввинистическим) вариантом, сложившимся в II–III веках от Р. Х.!

---

1 **Танáх** (*ивр.* תנ«ך) — принятое название еврейского Священного Писания, акроним наименований трех сборников священных в иудаизме текстов. Термин появился впервые в трудах средневековых еврейских богословов. Танах включает в себя разделы: *Торá*, *ивр.* תּוֹרָה [tōrā] — **Пятикнижие**; *Невиúм*, *ивр.* נְבִיאִים [nəḇīʾīm] — **Пророки;** *Ктувúм*, *ивр.* כְּתוּבִים [kəṯūḇīm] — **Писания** (Агиографы).

2 Ср., например, 2 Царей (3 Царств в Христианской традиции) 18:5: «на Господа Бога Израилева уповал он», где применена другая форма того же глагола.

3 Может интерпретироваться и как «человеческий», и как «перед человеком (людьми)».

4 Буквальное значение глагола yəsagā — быть сильным, мужественным, смелым, крепким.

5 Aor. pass. 3 plur.: «запутались», «преткнулись», «споткнулись», «пали».

6 Fut. med. 3 sing.: «возвеселится».

7 Перевод Семидесяти, очевидно, ориентировался на местную, александрийскую традицию устной экзегезы. Этим, по-видимому, объясняется его отличие от раввинистического канона, сложившегося к III веку от Р. Х.

Почти полностью (обратим, впрочем, внимание на форму будущего времени «преткнутся») следует за александрийцами только церковнославянский перевод: (29:25) убоя́вшеся и постыдѣ́вшеся человѣ́ковъ, преткну́тся: надѣ́явыйся же на Го́спода возвеселя́тся.

Даже с латинской Вульгатой, составленной Бл. Иеронимом[1] (342–419 или 420) по поручению римского папы Дамасия I[2] (300–384) в IV веке от Р. Х., дело обстоит несколько сложнее: (29:25) qui timet hominem cito corruet[3]; qui sperat in Domino, sublevabitur[4]: «кто боится человека, быстро рушится (= терпит крах. — *Ф. Ш.-К.*), кто уповает на Господа, укрепится». Здесь первая часть стиха идет в целом в фарватере греческого, хотя Иероним вводит наречие cito — «быстро», которого там нет, а вторая — еврейского прототипов.

Наконец, классический немецкий (1534 года) перевод Лютера (1483–1546) весьма своеобразно интерпретирует имеющийся материал: (29:25) Menschenfurcht bringt zu Fall; wer sich aber auf den HERRN verläßt, wird beschützt: «страх людей ведет к падению, кто же полагается на Господа, будет защищен». Если сперва переводчик повторяет, скорее, Вульгату, то во второй части он по большому счету творит сам.

Ни на что не похожа византийская[12*] традиция: (29:25) ἀσέβεια ἀνδρὶ δίδωσιν σjάλμα[5] ὃς δὲ πέποιθεν ἐπὶ τῷ δεσπότῃ σωθήσεται: «нечестивость дает человеку заблуждение (букв.: претыкание. — *Ф. Ш.-К.*), кто же вверился Господу, спасется» и ее русская калька, выполненная при патриархе Никоне (в том числе и в издании, увидевшем свет при императрице Елизавете Петровне): (29:25) Нече́стіе му́жу даётъ соблажне́ніе: упова́яй же на Влады́ку спасе́тся.

---

1 Софроний Евсевий Иероним *Стридонский* (Sophronius Eusebius Hieronymus) — церковный писатель, аскет, создатель латинского текста Библии. Почитается православными и католиками как святой и один из Учи́телей Церкви. Некоторые средневековые источники ошибочно приписывают ему создание глаголического алфавита. В 374 году он удалился на четыре года в Халкидскую пустыню, где изучал еврейский язык. В 386 году обосновался в Вифлееме, где в течение долгих лет переводил Ветхий и Новый Заветы на латинский язык. Его перевод — Вульгата — был провозглашен Тридентским собором (проходил в 1545–1563 годы) официальным (каноническим) латинским переводом Священного Писания.

2 **Дамасий** (Damasus) I, именуемый также **Дамас**, — епископ Рима с 1 октября 366 по 11 декабря 384 года. Первым стал именовать себя папой (*лат*. papas). Поручил св. Иерониму начать перевод Библии, который известен как Вульгата. Заменил в литургии греческий язык латынью.

3 Praes. act. 3 sing.: «быстро рушится».

4 Fut. pass. 3 sing.: «укрепится».

5 «Запинка, претыкание, ошибка, промах, заблуждение, грех».

Максимально близок (имеющиеся различия носят сугубо стилистический характер) Танаху: (29:25) Timor hominis inducit laqueum; qui sperat in Domino, sublevabitur: «страх человека ведет в западню; кто уповает на Господа, укрепится» — так называемый старолатинский (иное название — древнеиталийский)[13*] извод, сделанный во II веке от Р. Х. в Северной Африке, близкий ко времени окончательного формирования еврейского канона, и который, собственно, и призван был исправить Бл. Иероним.

Это второй факт, заслуживающий пристального внимания. Возможно, в ходе дальнейших исследований выяснится, что старолатинский вариант, считавшийся во времена Отцов Церкви благодаря авторитету Септуагинты испорченным, на самом деле и в иных случаях точнее передает танахический архетип.

Старофранцузская версия конца XIII века — 29:25 qui craint homme trebuschera...[1], ai qui l'éspvur en nostre Seigneur sera soulevé (Bible Historiale, l.19[2]): «кто боится человека, споткнется, ...имеет ли кто надежду в Господе нашем, будет вознесен» — поначалу следует Септуагинте, а во второй интересующей нас формуле — неверному пониманию глагольной формы Вульгаты sublevabitur. В отличие от старофранцузского, переводы Библии короля Якова — (29:25) The fear of man bringeth[3] a snare; but whoso putteth[4] his trust in the LORD shall be set up on high (King's James Bible): «страх человека влечет за собой западню; но кто возложил веру свою во Господе, будет возвышен (= вознесен. — *Ф. Ш.-К.*)» и так называемой Новой стандартной американской: (29:25) The fear of man brings a snare, But he who trusts in the Lord will be exalted (New American Standard Bible): «страх человека влечет за собой западню, но тот, кто верит в Господа, будет возвышен» — сначала соответствуют Танаху, а затем идут тем же путем, что и старофранцузские переводчики.

Наконец, надо отметить существование двух вариаций, повторяющих в первой половине стиха в основном Танах, зато во второй — выбивающихся из традиций и дающих вольное понимание текстов, которыми мы располагаем.

Первая из них вводит нигде, кроме как у Лютера, не представленное (да и там выраженное иным оборотом) понятие безопасности.

---

1 Одно слово прочитать по фотографии не удалось, по смыслу — «в западню».

2 Копия кодекса, оригинал которого — итог работы ученых Сорбонны конца XIII века.

3 От to bring — «влечь за собой».

4 От to put — «класть, возлагать».

Таковы немецкая Библия XVIII–XIX веков: (29:25) Menschenfurcht (букв.: страх людей. — *Ф. Ш.-К.*) stellt eine Falle; wer aber auf den HERRN **vertraut** (NB! Совпадение словоупотребления с рассмотренной выше поговоркой), ist in Sicherheit (Die Bibel, XVIII–XIX Jh.): «страх человека ставит западню, но кто на Господа полагается, находится в безопасности»; так называемая новая международная версия: (29:25) Fear of man will prove to be a snare, but whoever trusts in the Lord is kept safe (New International Version): «страх человека окажется западней, но кто верует во Господа, сохранился безопасным»; новая короля Якова: (29:25) The fear of man brings a snare, But whoever trusts in the LORD shall be safe (New King James Vers.): «страх человека влечет за собой западню, но кто верует во Господа, будет безопасен» и английская стандартная: (29:25) The fear of man lays (кладет в смысле расстилает, растягивает. — *Ф. Ш.-К.*) a snare, but whoever trusts in the Lord is safe (English Standard Version): «страх человека растягивает западню, но кто верует во Господа, безопасен», а также синодальный перевод: (29:25) Боязнь пред людьми ставит сеть; а надеющийся на Господа будет безопасен.

Вторая включает термин «защита», также новый, и представлена только французской Библией второй половины XIX века: (29:25) La crainte des hommes tend un piège, Mais celui qui se confie en l'Éternel est protégé (La Sainte Bible de Louis Second): «боязнь перед людьми расставляет ловушку, но тот, кто вверяет себя Вечному, защищен (= находится под покровом/покровительством. — *Ф. Ш.-К.*)» и интерпретацией Российского библейского общества 2011 года: (29:25) «Страх перед людьми — расставленные сети, но уповающий на Господа — неприступен».

В последнее время продолжилось обсуждение необходимости обновления русского текста Библии в синодальной его редакции. Может быть, изложенные выше соображения будут небезынтересны участникам такого рода дискуссий. Как показывают сделанные наблюдения, если работа над новым синодальным переводом Ветхого Завета состоится, то в ней, вероятно, надо будет сделать выбор между оригиналами Септуагинты (в адаптированной к современному языку его церковнославянской редакции) либо Танаха, не исключено, что и вкупе со старолатинской Библией.

2. АРТЕФАКТ

Кроме надписи[1,2], копенгагенский медальон несет на себе и серию изображений строительных инструментов (см. рис. 1). А именно циркуля поверх наугольника, который, в свою очередь, перевязан с уровнем; линейки; отвеса; молотка; мастерка; завязанного определенным образом крученого шнура с кистями и подвешенной к нему гирей. Их набор не оставляет сомнений в масонском[3] характере памятника, что сразу позволяет сделать два вывода.

Во-первых, проведенное филологическое исследование прямо свидетельствует о христианской природе европейского масонства (недаром ведь изученная поговорка была включена в лютеранский хорал), пусть и, что присуще и средневековому католицизму, и протестантизму вообще, с особым вниманием к ветхозаветному наследию. О значении Магдебурга в масонской истории будет сказано

[1] Земля Sachsen-Anhalt (Саксония-Анхальт) — новообразование, существовавшее в 1947–1952 годах и восстановленное после объединения Германий в 1990 году. С 1212 года до наполеоновских войн существовало независимое графство Ангальт/Анхальт, после разгрома Наполеона оно было поглощено Пруссией и включено в ее провинцию Саксония; затем герцогство Ангальт вошло в 1871 году в состав Германской империи, а в 1918 году образовалось Свободное государство Ангальт, ставшее в 1934 году одной из земель Третьего рейха.

[2] В контексте того, что анализируемый здесь артефакт привлек внимание в России, любопытно также, что принцессы из различных ветвей дома Anhalt неоднократно становились на протяжении XVIII–XX веков супругами русских великих князей и даже императоров, а одна из них — Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg — еще и унаследовала трон своего супруга и стала российской императрицей Екатериной Великой.

[3] Здесь обращает на себя внимание не только то, что второе известное мне употребление (в расширенном виде — wer Gott vertraut hat wolgebaut, bis hier hat mich der Herre geholfen) той же пословицы находим на обычном жилом здании в паре десятков километров от Магдебурга, откуда был родом автор слов упомянутого выше хорала Йоахим Магдебургский, но и то, что дом этот, выстроенный в стиле Fachwerk, расположен в городке Gutenswegen (нынешняя земля Sachsen-Anhalt) в районе Kirchenberg — букв.: Церковная гора, что с учетом христианского обычая называть приходскую церковь храмом допустимо переводить как Храмовая гора, что может быть и случайно, но оттого не менее символично.

ниже. Сейчас же необходимо отметить, что не менее интересны и время, и фигура, и окружение самого Йоахима Магдебургского[14*]. Он был другом знаменитого лидера гнесиолютеран Матия Влашича/Влахича (известен также как Матиас Флациус, или Флах). Этот последний до своего появления в Магдебурге провел около 1540 года некоторое время в Тюбингене[15*]. Профессуре теологического факультета Тюбингенского университета уже тогда было свойственно увлечение эзотерикой, в частности христианской каббалой, что в дальнейшем оказало влияние на авторов розенкрейцеровских манифестов, в том числе на Иоганна Валентина Андреэ (1586–1654), написавшего «Химическую свадьбу». Иногда считается, что Иоганн Кристоф Бах, автор песнопения на стихи Йоахима Магдебургского (см. гл. 1), также находился под влиянием идей розенкрейцеров.

Во-вторых, то, что надпись датирована 1623 годом, значит: масонство существовало в германских землях как минимум еще в первой четверти XVII века — задолго до 1717 года, от которого принято отсчитывать историю современных масонов, и вскоре после 1600 года, когда, судя по имеющимся записям, в одну из строительных лож города Эдинбурга был принят эсквайр (лэрд) Очиленка Джон Босвел (Босуэл/Босуэлл)[16*].

Сам факт того, что исследованная выше надпись на средневерхненемецком языке находится в Копенгагене, может иметь двоякое объяснение. С одной стороны, история датской монархии и германских земель была тесно переплетена в Средневековье и в начале Нового времени, вплоть до длительного нахождения ряда германских княжеств под властью датской короны и, наоборот, передачи значительных датских территорий в долгосрочный залог германским феодалам, задолго до прихода к власти в Дании в 1448 году Ольденбургской династии и распространения лютеранства в королевстве Гансом Таусеном (1491–1561), одним из ближайших сподвижников Мартина Лютера (1483–1546).

С другой стороны, так как датская столица уже была в то время одним из крупнейших в Европе торговых и ремесленных центров, немецкие масоны (купцы, мастера и не только) могли длительное время тут пребывать и иметь здесь свою ложу, а оригинал медальона либо привезти с родины, либо заказать на месте.

Оба фактора достаточно мотивируют проникновение немецкого языкового материала в датскую среду. Тем более что различия между первым и второй не были тогда столь существенны, как ныне.

Но не резон успокаиваться и на данной констатации. В ходе филологической работы я обратил внимание на целую серию изображений в кодексах средневековых французских Библий.

Все они датируются началом XIII — первой половиной XV века. На люнетах, сопровождающих текст Книги Бытия, там, где говорится о начале Творения, видим Бога Отца (или Его ангела) с циркулем (см. рис. 2–4) либо молотком (см. рис. 5) в руках: графический сюжет, известный уже с XI века (см. гл. 4).

Аналогичные миниатюры (см. рис. 6) иллюстрируют и главу 8-ю Книги Притчей Соломоновых. Там повествование о миротворении ведется от лица Софии, Премудрости Божией, в следующих словах: «1 Не премудрость ли взывает? и не разум ли возвышает голос свой?.. 4 к вам, люди, взываю я, и к сынам человеческим голос мой!.. 6–8 Слушайте, потому что я буду говорить важное, и изречение уст моих — правда; / ибо истину произнесет язык мой, и нечестие — мерзость для уст моих; / все слова уст моих справедливы; нет в них коварства и лукавства... 10–13 Примите учение мое, а не серебро; лучше знание, нежели отборное золото; / потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею. / Я, премудрость, обитаю с разумом и ищу рассудительного знания. / Страх Господень — ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь, и коварные уста я ненавижу... 15–16 Мною цари царствуют, и повелители узаконяют правду; / мною начальствуют начальники и вельможи и все судьи земли... 18 богатство и слава у меня, сокровище непогибающее и правда... 20 Я хожу по пути правды, по стезям правосудия... 22–32 Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; / от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. / Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. / Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, / когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. / Когда Он уготовлял небеса, [*я была*] там, когда Он проводил **круговую черту** по лицу бездны, / когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, / когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: / тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицем Его во все время, / веселясь на земном **кругу** Его, и радость моя [*была*] с сынами человеческими. / Итак, дети, послушайте меня; и блаженны те, которые хранят пути мои!.. 35–36 потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа; / а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие

меня любят смерть». Текст разительно перекликается с масонскими ритуалами (как они описаны в книгах Карпачёва).

Точно так же Бог в образе Великого Архитектора/Геометра фигурирует на витражах многих, в том числе самых ранних, готических соборов и аббатств Англии, Франции и других стран. Такая иконография известна, например, на витражах Кентерберийского (XII век), Шартрского (XII–XIII века), Страсбургского (XIV век) и Миланского (начатого строительством в XV веке) соборов.

3. ОЧЕРК ИСТОРИОГРАФИИ

Многие, в том числе масонские, авторы, оперируют в своих исторических изысканиях[17*] либо достаточно узким набором письменных документов, либо большей частью устным преданием[18*]. Чтобы увидеть другую картину, зачастую приходится обращаться к публикациям XVIII–XIX веков[19*], когда память о предшествующих столетиях и существовавших в них профессиональных объединениях была еще достаточно свежа, а выходящая на авансцену буржуазия стала интересоваться своими корнями.

Тем не менее и ныне, например, Белявский из-за весьма малого количества собственно масонских источников характеризует все время в истории масонов, предшествующее XVIII столетию, как «легендарный» и «полулегендарный» его периоды[20*], а сомнения в более раннем его происхождении[1], ставшие некоторое время тому назад посещать британских авторов[21*], полагаются им достижением современных исследований[22*]. Сам же он прямо утверждает, что у средневековых каменщиков не было ни особых знаков, ни тайн[23*], и что поэтому их ложи не сумели ничего передать спекулятивному масонству и потому не являются его предшественниками[24*]. Основания для таких выводов он видит в решениях Вильгельмсбадского конвента (причины такого удивительного суждения съезда в Вильгельмсбаде я подробно рассмотрю позже), который не только отверг связь масонов с орденом Храма, но и посчитал, что представления о происхождении современного масонства от так называемого оперативного происходят от некритического отношения к источникам[25*], а масонские символы не находят себе аналогов в строительных союзах Средневековья и Нового времени[26*].

---

1 Едкую иронию по поводу подобного скепсиса находим уже у Финделя (*Findel J.G.* Geschichte der Freimaurerei. Leipzig, 1865. S. 12–13). Он также пишет, что франкмасонство есть «потомок и преемник в непрерывной линии Оперативного братства масонов Средних веков», а первые четыре лондонские ложи были в 1717 году «Ложами оперативных и принятых масонов» (*Findel J.G.* Geschichte der Freimaurerei. S. 48).

Из недавних русских авторов бóльшую осторожность проявляют, правда, Кузьмишин[27*] и особенно Карпачёв. Последний, например, пишет[28*]: «...масонство уходит своими корнями в средневековые братства ремесленников-строителей и идейные искания европейских интеллектуалов XVII века. Уставы строительных артелей дают возможность узнать жизнь их участников. Некоторые виды работ производились ими в закрытых помещениях, называемых ложами. Для холостых рабочих эти помещения одновременно служили спальнями. Здесь же хранились инструменты, вещи работников, совершались братские трапезы, велись профессиональные разговоры, касающиеся секретов мастерства, поэтому ложи тщательно оберегались от посторонних. За ходом работ и поведением каменщиков следили старшие мастера и их помощники-надзиратели. Вступая в артель, рабочие принимали присягу "над книгой", очевидно, уставом гильдии. Строители в силу специфики своей деятельности переходили с места на место. Это приводило к появлению системы условных знаков, паролей, позволяющих определить своих среди непосвященных. Сообщение условных знаков составляло существенную часть церемонии вступления в артель и перехода из одной квалификационной категории в другую: из учеников в подмастерья, затем в мастера. Ритуальная часть в гильдиях соблюдалась не менее строго, чем предписания общегражданской и профессиональной этики. Между различными артелями существовали организационные связи, и работники могли рассчитывать на помощь и поддержку собратьев по ремеслу. Братства оказывали помощь своим престарелым членам, их вдовам, детям, оказавшимся сиротами. / В конце XIV века в английских документах появился термин "франкмасон". Английская традиция связывает его со "свободными" камнями мягких пород: мрамором, известняком и проч., которые, в отличие от обыкновенных камней, использовались для более тонкой, художественной работы. Термин первоначально обозначал более квалифицированных работников. Французская традиция выводит термин "свободный", "вольный" из возможности для ремесленников-строителей свободного передвижения по феодальной Европе. / В масонстве остались очень сильными элементы ритуала средневековых строительных братств...» При этом в своей книге 2003 года данный историк не исключает и того, что коммерсанты, пасторы и интеллектуалы были принимаемы в строительные братства даже ранее XVII века[29*].

Сказанное свидетельствует, что для более определенного представления о ранней истории масонов надо не только рассматривать имеющиеся свидетельства в их неразрывном комплексе, но и решительно

расширять с такой целью источниковую базу, прежде всего за счет как археологического (в широком смысле, в том числе изобразительного) материала, так и погружения всей массы данных в широкий историко-филологический и антропологический контекст. Хорошо известно, что применение исторической наукой подобного подхода в иных случаях не только открывает и в легендах изрядное рациональное зерно, но и обнаруживает, что в большинстве своем сказания глубоко историчны, то есть несут в себе реальную информацию о действительно имевших место событиях.

Наиболее полные и полезные для целей книги сведения, как уже было сказано в *Предисловии*, находятся у сторонних, не имеющих никакого отношения к масонам, исследователей[30*]. В приведенных в примечании только самых важных — подробных и опирающихся на широкий материал — монографиях и публикациях источников детально рассмотрены все ключевые вопросы развития искусства каменщиков, общественного, интеллектуального и духовного климата, в котором работали готические мастера, их собственной идеологии, узусов и т. п. К анализу накопленной информации я теперь непосредственно и перехожу. Поскольку в дальнейшем я буду постоянно обращаться к данным, содержащимся как в перечисленных книгах, так и в иных изданиях, чья полнота сама по себе, лучше чьих бы то ни было оценок, раскрывает научную значимость труда их авторов, здесь ограничусь только немногими сделанными замечаниями.

4. БОГ-АРХИТЕКТОР

Масонская традиция связывает возникновение своей организации в первую голову с царем Соломоном, строительством Иерусалимского храма, которое было доверено архитектору (мастеру) Хираму из Тира Финикийского, каббалой, алхимией, пифагорейцами, орфиками, герметистами (и их, а также прочими греческими, римскими и восточными мистериями), неоплатониками, древними и средневековыми артелями строителей и тамплиерами. Поэтому посмотрим, можно ли с помощью комплексного анализа всего названного выше, дополнив оное данными, оставшимися пока за рамками перечисления, пролить новый свет на понимание древностей вольных каменщиков.

Начну с такого ключевого для современного масонства понятия, как *Великий Архитектор* (*Строитель*, *Геометр*) *Вселенной* (см. икону с масонскими символами на рис. 30). В соответствии с ним характерное масонское изображение наложенного на циркуль наугольника должно читаться как латинская A — первая буква слова «архитектор» (в популярной со времен Античности графике этой литеры с ломаной перекладиной), а латинская же заглавная G, появляющаяся в символике уже второго градуса посвящения, — как инициал лексемы «геометр».

Сам концепт Господа-Архитектора Мироздания весьма характерен для готики. Снова отмечу, что наиболее полные и полезные сведения по данному предмету находятся у ни в каком смысле не ангажированных в отношении братства историков, филологов и искусствоведов (см. примечания в *Предисловии* и *Очерке историографии*) — не только мужчин, но и женщин. При том, что *регулярное* масонство вовсе не допускает дам в свои ложи. И если данная идея была бы создана *спекулятивными* масонами, представительницы прекрасного пола ничего толком не могли бы о ней знать.

Но и Средневековье не было ее первооткрывателем. Например, вот что говорит от своего лица Премудрость Божия в Книге Притчей Соломоновых: «когда Он полагал основания земли: / тогда я была при Нем художницею» (Притч. 8:29–30).

4.1. Математика и история образа

О построении Богом окружности речь идет (см. гл. 2) еще в стихе 27-м главы 8-й Книги Притчей (первые ее тексты датируются X веком, а окончательное оформление — рубежом V–IV веков до Р. Х.) Соломоновых (царь правил в 965–928 годы): «когда Он уготовлял небеса, [я (i. e. Премудрость Божия) была] там, / когда Он проводил **круговую черту** по лицу бездны» (Притч. 8:27)[1]. Уже в Библии присутствует и мистика чисел (1, 2, 3, 6, 7, 12, 18, 49, 72 и производных от них путем их перемножения и мультипликации), развитая затем в Талмуде и Каббале.

Если перейти на европейскую (античную сначала) почву, то находим сохраненные Плутархом в его Ἀνέκδοτα две сентенции Платона (428/7–348/7): 1) «*Божество — всегда геометр*» и 2) «знание, к которому стремятся геометры, есть знание вечного, а не того, что тленно и преходяще». Ср. к последнему еще одно высказывание того же мыслителя: «Геометрия есть познание всего сущего, ибо приближает разум к истине».

Платонов и библейский источник могут быть близки друг другу. Ведь Плутарх, Диоген Лаэрций и Секст Эмпирик сообщают, что в поисках древних знаний философ провел одиннадцать (399–389) лет на Востоке (в Египте и североафриканской Кирене). После этого он трижды — в 389, 366 и 361 году — бывал на Сицилии, где, что принципиально, уделил много времени общению с пифагорейцами, которые вдохновлялись также египетскими и халдейскими (месопотамскими) образцами. А в последние годы жизни он развивал, согласно Аристотелю, так называемое Неписаное (вероятно, мистическое) учение «О благе как таковом».

Математические идеи в том же ключе разворачивал и ученик Платона (его знаменитая Академия была основана в 387 году до Р. Х.) Аристотель (384–322). В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что греки придерживались мнения, что для всех вообще геометрических построений довольно линейки и циркуля, ибо прямые и окружности — суть совершенные линии. Эллины даже нарочито исследовали, какие правильные многоугольники можно построить исключительно с помощью этих двух инструментов.

---

[1] Ср., например: Пс. 18 (19 в западной традиции):5 — о пределах Вселенной; 18:7 — о крае небес; 18:8 — о поприще (в современном языке — стадионе, то есть о распланированном по проекту пространстве). Считается, что хронология Псалмов близка таковой Книги Притчей.

Раньше Платона Пифагор (570–500) *на основе геометрии строил* свою оригинальную *религиозную систему*, считая, что «миром правят числа», ибо «все есть число». Более того, он объединил *орфические секты* Великой Греции в *религиозно-политический орден*. И он сам, и тем более адепты созданной им школы (существовала в VI–IV веках до Р. Х.), и неопифагорейцы I–III веков от Р. Х. придавали мистическое значение «треугольным», «квадратным» и иным «совершенным» числам[31*].

С самого начала пифагорейство IV века до Р. Х. имело *практически-мистический* характер, трактуя об интимном отношении к мировой гармонии[32*]. Своим учением о числах оно охватило все: боги, космос, вещи, душа, *искусство* — все суть числа[33*], которые, будучи диалектическим синтезом беспредельного и предела, воплощают в себе творческую мощь бытия и потому получают фигурное строение. А в силу своего универсализма они оборачиваются и принципом фигурной структуры вещей. Именно поэтому **число** (в котором самом по себе, независимо от конкретных геометрических фигур, есть нечто **геометрическое**), будучи глубже вещей, позволяет их конструировать[34*].

Благодаря тому, что пифагорейцы подчеркивали регулятивный характер числа для всякого построения, а их искусство живет реально-онтологическими числовыми формами, близкий им Поликлет в своих трактатах о числовых пропорциях в скульптуре основывается на данном учении. Однако великий скульптор привносит сюда и нечто фундаментально свое: важнейший для масонского мировоззрения *антропометрический* взгляд на пропорциональность. Ибо, хотя он не спорил с пифагорейским тезисом о том, что земные соотношения сопрягаются с естественной симметрией телесного космоса, за единицу измерения он принимал не космические пропорции, но рост *человека*[35*].

Развивая мысли пифагорейцев, Платон постулирует, что **космос** — *геометрическое художественное* произведение. *Триада* Платона есть *истина*, *красота*, *пропорция*. Как совершенное бытие космос представляет собой шар: ведь для греков вообще (Ксенофан, Демокрит, Анаксимандр, Левкипп...) сфера, простая и подобная сама себе, законченная и равновеликая в себе форма, равномерно удаленная от центра во всех своих точках, воплощает высшую, совершенную красоту. Земля же кругла по причине своего положения в центре этого совершенства[36*]. Платон продолжает, что в силу космической природы геометрии (тело космоса стройно благодаря пропорции) **всякое** *искусство должно быть точным*, но *особенно — строительство*,

в коем столь велика *роль пропорций*, ибо сам **демиург** (создатель мира) был *строителем*[37*].

Неоплатоники продолжили заниматься математическими изысканиями. Для Плотина эйдос (идея) раскрывает себя в числовой гармонии. Труды же Прокла открывают нам философию геометрических теорем, для него чрезвычайно важна *геометрическая* пропорция. Отвечающим за пропорции и число у последнего выступает *Гермес*, чья интеллектуальная ипостась как источника новой мудрости стала разрабатываться в греческой мысли в первые века от Р. Х.[38*] Три монады Прокла суть *истина*, *красота*, *число*[39*].

Не касаясь мистики света как таковой, которая будет рассмотрена позже (см. гл. 11 § 2), здесь надо все же забежать чуть вперед и только применительно к излагаемому сюжету отметить следующее. Во-первых, опирающееся на христианский неоплатонизм максимально ортодоксальное и максимально духовное, по словам А.Ф. Лосева, учение о свете Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Григория Паламы и исихастов[40*], во многом перекликающееся со взглядами масонства.

Во-вторых, в геометризме тысячелетнего пифагорейско-платонического философствования *божественный* огонь/*свет выражен пирамидой*[41*], которой в масонском символизме отведена особая роль. Надо подчеркнуть, что данный образ перекликается с учением теоретика искусства итальянского Ренессанса Леона Баттисты Альберти о «зрительной пирамиде»[42*].

Рассуждая о последней, масонский автор Алберт Пайк находил естественным, что многие символы масонства коренятся в том, что ключевые категории в религиозно-философской системе Пифагора и герметистов мыслились геометрическими фигурами, среди которых особое место занимала пирамида. Он полагал, что уже символизм античных предшественников масонской доктрины был фактически *спекулятивной* (то есть метафизической) геометрией. Масонство, для которого символика является душой, конечно, продолжал Пайк, далеко продвинуло воспринятый от оперативных каменщиков герметизм геометрии, но, по сути, облекло старое содержание в новые одежды[43*].

Приближаясь к нашему времени, следует сказать в части изучаемой темы о роли, сыгранной для средневековой Европы восточными учеными и мыслителями. Математика Эвклида[44*], трактаты Аристотеля и (нео)платонизм впервые вернулись на Запад (начиная с 1215 года в их распространении был особо заметен Парижский университет[45*])

вслед за завоеванием маврами (убеждение, что Бог создал мир по геометрическим чертежам, утвердилось у них под влиянием греческой мысли) Испании и Сицилии в VII–VIII веках. Сама античная мудрость, обогащенная исламскими комментаторами новыми идеями, стала известной в обратных переводах на латынь с арабского[46*]. Большую роль здесь сыграла группа исмаилитов Иберийского полуострова, известная как Братья Чистоты[47*]. Позднее эстетика Возрождения продолжила черпать все, что она находила для себя положительным, не только из христианской, но и иудейской, и мусульманской теологии[48*].

В этой связи надо обратить пристальное внимание на то, что культура возрождающегося Запада имела одним из своих источников достижения Востока (там в разные эпохи были свои ренессансы), переданные через византийско-кавказский (греческий, грузинский, армянский и проч.) и ближневосточный ареалы, где процветали свои школы переработанного античного неоплатонизма, представленные именами Дионисия Ареопагита, Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника, Григория Паламы, Михаила Пселла, Иоанна Итала, Петра Ивера, Иоанна Петрици, Шота Руставели, а также армянской философией X–XIII веков. Были прекрасно знавшие Плотина и владевшие диалектической системой Прокла неоплатоники арабские (и вообще исламские), общий для всех христиан живший в IV веке Блаженный Августин, православные (византийские, в Грузии в том числе) и католические (Николай Кузанский, Фома Аквинский, Марсилио Фичино, Джордано Бруно и др.). В своей традиционно фундаментальной книге, посвященной эстетике Возрождения, А.Ф. Лосев утверждает, что без прибытия греков на Запад вряд ли возникла бы, например, Платоновская (Флорентийская) Академия с Марсилио Фичино во главе[49*]. Он же пишет, что именно грузинские мыслители, осуществившие секуляризацию византийского догматического богословия на базе развитого христианского неоплатонизма, выступили застрельщиками неоплатонического ренессанса в Европе[50*].

Кроме того, несмотря на сопротивление вначале Римской курии[51*], Европа подверглась мощному влиянию арабских философов и математиков и греческих геометров. С XII столетия получают распространение два взаимосвязанных явления. С одной стороны, метафизическое вслед за Блаженным Августином (Aug. de ordo 2, 15. С. 215) толкование геометрии как необходимой прежде всего «для веры, для созерцания, для уразумения и для познания» Бога (который, в соответствии с Книгой Притчей Соломоновых (11:21),

расположил все «мерою, числом и весом»[52*]), но и для всякого творчества. С другой — метод геометрического доказательства религиозных постулатов. Не в последнюю очередь так случилось потому, что еще в X веке будущий папа Сильвестр изучал архитектуру у испанских арабов в Кордове и Гренаде и привнес оттуда полученные вместе с мистикой Востока практические знания в духовные школы своей родины — Франции[53*].

Будучи еще монахом Гербертом, он преподавал в важном для масонства городе *Реймсе*, и его взгляды быстро оттуда распространялись[54*]. А возглавив римско-католическую церковь, он отметился большим вкладом в поддержку математики и архитектуры[55*]. Недаром он был бенедиктинцем. Его орден сыграл особую роль в распространении как научных знаний вообще, так и романского стиля: бенедиктинцы были особенно заметны в строительстве вплоть до XII века[56*].

Усердие папы Сильвестра получило свое продолжение. Во-первых, в философии центра средневекового платонизма Шартра (что занимал одну из ключевых позиций и в эволюции готического стиля), представители которого придавали огромное значение геометрии как спекулятивному знанию[57*]. Геометрические принципы понимались Шартрской школой как основа Божественного и человеческого творчества[58*]. Тьерри Шартрский († между 1149 и 1155 годом), например, предлагал постигать процесс миротворения и даже тайну божественного триединства с помощью геометрии. Он видел в ней, наряду с тесно связанной с нею астрономией, а также арифметикой и музыкой, один из принципов, которые ведут человека к постижению Творца. Согласно этому взгляду, Бог начал творение с создания «множества тетрагонов, или кубов, или кругов, или сфер». Благодаря ему получает распространение равнобедренный треугольник как аллегория Троицы[59*], унаследованный (с глазом или без оного в его середине) масонством в качестве символа Бога.

Во-вторых, труды Герберта/Сильвестра были продолжены в школах *Тура* и *Анжера* — тоже не последних центров в масонской истории.

В-третьих, монах Лафранк, прибывший в Нормандию из Павии, основал там монастырское училище, в коем ревностно посвящали себя возрождению наук и искусств[60*].

Общая основа геометрии как одновременно и духовного, и прикладного знания признается также ярким деятелем так называемой Толедской школы архиепископом Сеговии в 1161–1181 годах Домиником Гундисальви[61*]. Сугубую же ее прагматичность подчеркивает в то же самое время Гуго Сен-Викторский[62*].

Итогом такого развития и филиации идей стали мысли знаменитого средневекового схоласта Фомы Аквинского (1225–1274). Он интегрировал[1] в своих сочинениях построения Августина Блаженного, Аристотеля и неоплатоников. Также он испытал заметное влияние арабских комментариев на Аристотеля, а равно и трактовавших его Авиценны (настоящее имя — Али Хусейн ибн-Абдаллах ибн-Сина: 980–1037), Аверроэса (Абу-ль Валид Мухаммед ибн-Ахмед ибн-Мухаммед ибн-Рушд: 1126–1193) и еврейских мудрецов-мистиков Гебироля (Шломо бен-Йехуда ибн-Гвироль/Габироль, араб. Джебироль, 1021–1058) и Маймонида (Моше бен-Маймон, 1135–1204).

Фома полагал, что Бог как первопричина есть Архитектор Вселенной, для осознания чего, по мнению ряда его толкователей[63*], требуется дополнительное усилие веры, основа которой содержится в библейском откровении. То есть Великий Архитектор виделся западным теологам от начала до конца Средневековья лучшим символом непознаваемого Всевышнего[64*].

Нужно согласиться с мнением историка культуры Кеннета Кларка: «...для средневекового человека геометрия была Божественной деятельностью...»[65*] Благодаря такой оценке геометрия стала первой ступенью quadrivium — высшего этапа образования на средневековом Западе, то есть открывала собою учащимся путь к достижению истины[66*].

Унаследованное от позднего пифагорейства и неоплатонизма уважение к точной науке, построенной на числах и вычислениях, характерно и для возрожденческого мироощущения[67*] (здесь и далее всегда с обильной библиографией по поднятым вопросам). Тогда пифагорейское отношение к числу и геометрии получило свое развитие в пластике.

Благодаря этому Ренессансу стало также присуще уходящее своими корнями в античный пифагорейский платонизм структурно-математическое понимание красоты и вытекающий из него арифметический и геометрический анализ произведений искусства[68*]. Заметим, что при всем отличии неоплатонизма раннего и Высокого Ренессанса данное различие не распространяется на геометризм, который только укрепляется по мере развития возрожденческих тенденций[69*].

В итоге Возрождение продолжило развивать концепт Бога-Художника (Бога-Мастера — Deus Artifex). Его прямо называли тогда также

---

[1] Аквинат почитается в западном христианстве как систематизатор схоластики, учитель Церкви, наиболее авторитетный теолог и философ. В сем качестве он именуется Doctor Angelicus, Doctor Universalis, Princeps philosophorum.

Великим архитектором, Великим мастером, Великим художником (ср. Притч. 8:29–30), Великим геометром[70*]. Воспринимался Он творцами Высокого Ренессанса (те всегда были неоплатониками) поэтически-восторженно, вплоть до экстатического состояния[71*]. Характерно, что суть этих образов восходит ко все тому же платоновскому божественному демиургу: *мастеру* в ремесленной терминологии IV века до Р. Х.[72*]

Чтобы отдать себе отчет в том, *как* все сказанное выше может быть связано с масонской историей, надо учесть, что Высокое Средневековье непрерывно ощущало свою преемственность с классической Античностью. Поэтому не должна смущать легкость, с которой происходила рецепция античных моделей, будь то искусство (архитектура, живопись, пластика) или философия. Так, в неоплатонизме возникшей на рубеже Средних веков и Ренессанса Платоновской (Флорентийской) Академии мы находим то же органическое объединение Платона и Аристотеля, что и у античных неоплатоников[73*]. Неоплатонизм жившего в том же XV столетии Николая Кузанского нельзя оторвать от века восходящей математики и естествознания[74*].

Как пишет А.Ф. Лосев, средневековый человек подходил к древнему наследию не исторически, но прагматически — как к чему-то хоть и далекому, но живому и актуальному. Даже и XII век смотрел на него как на депозитарий идей и форм, из которого можно и нужно было заимствовать для собственных нужд текущего момента. Оба средневековых ренессанса — каролингская renovatio VIII века и обновление XII столетия — тоже жили этим непосредственным переживанием. Поэтому близость Ренессанса к средневековой эстетике нельзя понимать буквально[75*].

Ведь ностальгировать по утраченному миру Древней Греции и Рима начало лишь Возрождение. Оно стал идеалом, по которому можно тосковать в силу его полной отрезанности от настоящего. Как полагали, безвозвратная утрата может быть вновь обретена лишь в духе. Ренессанс в буквальном смысле стоял в слезах на могиле Античности и пытался воскресить ее душу[76*].

И если сам термин «возрождение» благодаря многократному разговору в Новом Завете о новом рождении человека, ветхом и новом Адаме имеет прямые библейские коннотации, то и светский неоплатонизм итальянского Ренессанса есть только соединение античных тем с классическими мотивами[77*]. Например, возвращающий себе «зрение» Купидон, проникший в европейскую живопись благодаря полотнам Лукаса Кранаха Старшего, свидетельствует о популярности, какую получила «платоническая» теория любви в XVI веке[78*].

Не правда ли, и в такой ностальгии, и в таких понятиях трудно не заметить параллелей с ритуалами разных масонских степеней?[79*] В свою очередь, уже в XVI веке реформатор католической церкви Жан Кальвин неоднократно именует Бога Великим архитектором Вселенной в своих «Наставлениях в христианской вере»[80*], «*Архитектура Вселенной*» и в комментариях к 19-му (в Православной традиции — 18-му) Псалму Давидову.

4.2. Идеологема готики

Люнеты[81*], представляющие Бога-Архитектора/Геометра, известны в рукописях уже с XI века. Но *массово* такая графика отражена в миниатюрах богато оформленных готических Библий, прежде всего так называемых Bible Historiale (то есть историчная, а именно проиллюстрированная историческими сценами и сюжетами Библия) и Bible Moralisée (морализированная), известных также как Bible Allegorisée и Emblèmes Bibliques и датируемых от начала XIII до начала XV века. Поскольку они являют собой наиболее яркие примеры средневековых иллюстрированных Библий, необходимо сказать о них несколько слов специально.

Оба варианта роскошных рукописей относятся парадоксальным образом к категории Biblia pauperum (Библия *бедных*). Это обстоятельство заслуживает отдельного (масоны именуют себя детьми *вдовы*) упоминания в контексте данного исследования, поскольку ему посвящен специальный комментарий генерала францисканского ордена, известного мистика Джованни ди Фиданца (он же Бонавентура, 1218–1274).

Bible Historiale — основной средневековый перевод Библии на французский[1]. Он составлен из сокращенных выдержек из Священного Писания в переводе с Вульгаты, выборки из Historia Scholastica Петра Коместора († ок. 1178 года), литературно-исторического комментария эпизодов исторических книг Ветхого Завета с параллельным изложением событий из языческой истории и мифологии. Текст его, содержащий в себе также и глоссы, возник между 1291 и 1295 годом. Bible Historiale была распространена во множестве списков, из которых сохранилось более 80, часто богато иллюстрированных, особенно

[1] Старейшее французское переложение Библии второй половины XII века было стихотворным. Следом за ним возникли Библия Акры (во франкском Иерусалимском королевстве) около 1250 года и так называемая Библия XIII века, обязанная своим появлением, вероятно, трудам ученых Парижского университета.

в части Книги Бытия, откуда происходят интересующие нас миниатюры. Наиболее известные ее экземпляры дошли в копиях XV века. Они включают в себя новые глоссы, сокращенные Книги Притчей и Иова, а также добавления некоторых других книг из Библии XIII века.

Bible Moralisée существует, начиная с XIII века, в двух изводах разного содержания. Она является памятником времени, когда (в первой половине XIII столетия) в католической церкви развернулось дидактическое движение, ставившее своей целью моральное воспитание верующих вербальными и изобразительными средствами. Поэтому миниатюры в этой Библии несли на себе особенную смысловую нагрузку, что имеет принципиальное значение, когда речь заходит об образе Бога — Архитектора Мироздания. Каждая страница Bible Moralisée объединяет в себе проиллюстрированные эпизоды из книг Ветхого и Нового Заветов, из которых предлагается извлечь одинаковые нравственные уроки. Известно семь экземпляров таких кодексов, датируемых от XIII до XV века, из них четыре — первой половины XIII в. (два — от первых трех декад этого века). Все они были предназначены для личного пользования членов королевской семьи Франции. Наиболее знамениты списки Vienna 2554 (датируется 1208–1215 годами), Toledo (1234 год), Oxford–Paris–London (1233 год) и MS Additional 18719 (Add. 18719, конец XIII или начало XIV века).

Как раз манускрипт Vienna 2554 представляет на своем фронтисписе наиболее часто воспроизводимое в современной научной литературе изображение Бога в процессе Творения. Здесь Он использует огромный циркуль (см. рис. 2), а Его левая рука выглядит приводящей в движение диск, который являет собой космос. Кодекс Vienna 1179 также имеет полностраничное изображение Творца, сидящего на троне и вращающего правою рукою циркуль. Оба изображения неоднократно интерпретировались специалистами[82*]. Например: God shapes the Universe with the Aid of a Compass. Within the perfect Circle already created are the spherical Sun and Moon and the unformed Matter that will become the Earth once God applies the same geometric Principles to it[83*].

На возникновение иконографии Бога — Геометра Вселенной с *циркулем* повлияли два обстоятельства. Во-первых, рецепция (см. гл. 2; гл. 4 § 1) конвергентной ряду стихов псалмов и притчей, повествующих о проведении круговой черты в ходе Творения, идеи еще греческих математиков и философов о круге (выводимом именно

циркулем) как об одной из двух совершенных геометрических линий и фигур. Во-вторых, производность в латыни (которой отлично владели средневековые схоласты) слова «циркуль» (circulum) от лексемы «круг» (circus). Существует также вариант люнеты, показывающий Творца-Архитектора с *молотком* в руке (см. рис. 5).

От рукописной готики приступим к строительной, где роль математики самоочевидна[84*]. Изображения Бога-Архитектора существуют и на витражах ряда знаменитых готических соборов.

Готика, как известно, — возникший в XII столетии во Франции[85*] архитектурный стиль, отчасти синхронный Ренессансу (почему оба понятия, бывает, объединяют, чего делать категорически не стоит[86*]), жизнь которого в целом охватывает период с конца XII по начало XVI века. Его самый ранний образец представлен хорами церкви бенедиктинцев в Сен-Дени, начатой строительством в 1129-м и освященной в 1144 году[87*]. Таким образом, Фома Аквинский с его идеями был его наиболее выдающимся среди мыслителей пионером.

Вслед за особой конкретизацией в готическую эпоху старинного представления о Боге как архитекторе и художнике мира[88*] изображение Господа в ипостаси, по удачному выражению исследователя готической архитектуры Отто фон Симпсона[89*], The Creator as Architect, получило распространение в изобразительном искусстве как раз тогда, когда жил и творил Аквинат. Показательно, что с XIII века гербом утвержденного папой Александром VII братства плотников св. Иосифа, располагавшегося в Париже рядом с Тамплем в храме Св. Николая в Полях (Saint Nicolas des Champs), был изображенный на лазоревом фоне золотой Младенец Иисус с циркулем в руках, измеряющий чертеж, разворачиваемый перед Ним св. Иосифом[90*].

Добавлю, что, по мнению историка искусства Эрнста Гомбрича[91*], именно 27-й стих 8-й главы Книги Притчей *Соломоновых*, о котором подробно говорилось выше, вдохновил средневековых художников на такую иконографию Всевышнего. А философская и художественная мысль XIV–XV веков еще больше детализирует эту идеологему и разовьет в ней сопоставление с человеком в роли художника и творца[92*].

На рубеже XII–XIII веков на готических фасадах возникают также аллегорические изображения Архитектуры и Геометрии. Обе предстают с соответствующими *инструментами*, которые тем самым тоже обретают *символическое значение*: первая — с *циркулем*, *линейкой* и *наугольником*, вторая, дополнительно к ним, — также со *сферой* и *измерительной тростью*[93*].

4.3. Бог в картине мира каменщиков

Но это лишь часть вопроса. Другая напрямую связана с самими каменщиками — строителями готических храмов и их артелями.

Как представления о Боге-Геометре/Архитекторе попали в среду каменщиков? Думаю, следующим путем.

Во второй половине 1980-х годов известный историк архитектуры обратился ко мне с просьбой помочь ему в переводе с греческого текстов, в которых описывалось строительство некоторых раннехристианских храмов. В результате этой работы стало ясно, почему нам неизвестны имена архитекторов периода становления христианства. Дело в том, что таковыми тогда выступали епископы, сами определявшие на площадке, предназначенной под строительство, очертания будущей постройки.

Такой порядок был даже закреплен в Правилах Святых Отец[1], где прямо сформулировано: «Пусть епископ сам наносит на землю вид нужного ему сооружения, и да указывает он каменотесам, что им надлежит делать». Уже в VIII веке профессиональный архитектор и строитель, епископ Таррагоны, будущий св. Фруктуозус Таррагонский, был и носителем необходимых теоретических знаний, и непосредственным руководителем работ по возведению основываемых им монастырей[94*]. На британских островах стоит отметить такую же активность: в Англии — первого (596 год) епископа Кентербери Августина (Остина), впоследствии признанного святым[95*], в кельтских землях — вдохновителя строительства обителей Бéды Достопочтенного (VII–VIII века)[96*].

В Средневековье идея также часто подсказывалась исполнителю теологами и (или) самим заказчиком[2]. Таковой мог играть даже и непосредственную роль в процессе создания произведения искусства. В таком случае он выступает прямым посредником между теорией и практикой, связь между которыми была тогда, возможно, даже более четкой, чем позднее[97*].

---

1 Корпус правил складывался в III–VIII веках. Интересующее нас предписание датируется IV веком. Подобные случаи описаны в житиях многих ранних, в том числе русских, святых.

2 Например, Гонорий Отэнский, Сигер Кремонский, Робер дё Тюи, Пьер дё Руасси, Гийом Дуранд подробно обосновали значение каждого архитектурного элемента храма как Града Божьего на земле (*Муратова К.М.* Мастера французской готики XII–XIII веков. Проблемы теории и практики художественного творчества. М., 1988. С. 92).

Многие монахи и иерархи занимались архитектурой в практической плоскости[1, 98*]. В частности, о знакомстве Гуго Сен-Викторского со строительным искусством свидетельствуют пассажи из его «Дидаскалиона»[99*]. Монастырскую архитектуру в свою бытность простым аббатом определял св. Бенедикт[100*]. Неудивительно поэтому, что статуты Клюни досконально расписывают вопросы строительства и работы каменщиков[101*]. В XII–XIII веках возведение храмов романских и готических форм, воспринимавшихся как Божественные по сути своей, возглавлялось клириками[102*], среди которых надо специально выделить бенедиктинцев и цистерианцев[103*]. Даже из Испании, находившейся в тот период под контролем мавров, доходят сведения о трех архитекторах-клириках. В остальных же частях Западной Европы занятие монахов строительством было правилом[104*].

Как мне удалось установить в нескольких случаях, клирики могли ссылаться при этом на то, что чертеж постройки был им явлен во сне или видении Богом Отцом, Его ангелом, Иисусом Христом или Девой Марией, которые чертили его обычной или огненной линией[105*]. Начало традиции восходит к Ветхому Завету: царь Давид говорит сыну своему Соломону, что план и все детали Иерусалимского храма были начертаны рукою Господа (1 Пар. 28:19[106*]).

4.4. Выводы

Каменщикам издревле, задолго до Средневековья, были привычны мистика чисел и образ Бога-Геометра/Архитектора. И та и другой восходят как минимум к Пифагору (570–495 годы до Р. Х.) и Платону (429/427–347). Учитывая же то, на какие источники опирались в этих вопросах оба греческих мыслителя, корни таких представлений, скорее всего, уходят в Египет и Двуречье III–II тыс. до Р. Х.

Строители-христиане (*оперативные* масоны в масонской терминологии) получили означенный символизм в интерпретации Священного Писания, где автором плана постройки выступает сам Бог. Такую концепцию им внушили их изначально основные заказчики — князья Церкви, многие из которых были признаны впоследствии святыми. От теологов и апологетов Средневековья она ушла, кстати, не только

---

1 Например, *льежский каноник Хезелон оставил свой сан ради звания каменных дел мастера*, а епископ Гуго Бургундский лично трудился на постройке Линкольнского собора (*Муратова К.М.* Мастера французской готики XII–XIII веков. Проблемы теории и практики художественного творчества. С. 65; прим. 30).

к каменотесам (и от последних к масонам), но и к реформаторам религии — Лютеру и Кальвину.

Христианские основы западноевропейского масонства признаются масонскими авторами[107*]. Более того, такая констатация опирается на собственную традицию *спекулятивных* франкмасонов: об этом expressis verbis говорится в Новой книге конституций 1723 года[108*]. В 1738 году то же было отражено в Конституциях Андерсона, который принадлежал к христианской партии внутри Объединенной великой ложи Англии (ОВЛА)[109*].